

АЛИ НОВАК

Перевод Нины
Павливой

Моя

жизнь

с Мальчиками

Уолтер

Young
Adult

МИОО

*В память о моем отце,
чья невероятная сила духа до сих пор вдохновляет меня.*

*Папа, в наше последнее совместное Рождество
я обещала тебе, что никогда
не откажусь от своей мечты.*

И вот она исполнилась

Пролог

Мне никогда не было жаль Ромео и Джульетту.

Не поймите меня превратно. Эта трагедия давно уже стала классикой, а Шекспир, вне всякого сомнения, литературный гений, просто мне кажется странным, что двое едва знакомых подростков могут добровольно расстаться с жизнью.

«Так это же ради любви! — возражают мне. — Настоящей и вечной любви». По моему мнению, чувшь несусветная. Чтобы чувства переросли в любовь, ради которой стоит умереть, нужно нечто большее, чем парочка дней и поспешное тайное венчание.

Между Ромео и Джульеттой вспыхнула страсть, столь сильная и разрушительная, что погубила обоих. В пьесе абсолютно все происходит под влиянием спонтанных решений героев. Не верите? Возьмем Джульетту. Вам бы пришла в голову мысль выйти замуж за сына заклятого врага вашего отца, после того как вы застукали этого парня под окном вашей спальни? Мне бы точно нет. И потому лично мою симпатию эти двое потеряли. Они действовали без подготовки, безрассудно, не думая о последствиях. А если ничего не планировать, то сложностей не избежать.

И мне самой, после того как три месяца назад моя жизнь сбилась с курса, последнее, что было нужно, — эти самые сложности.

Глава 1

У меня нет ни одной пары джинсов. Это странно, знаю. Ведь у какой шестнадцатилетней девчонки не найдется хотя бы одних — к примеру, с прорезью на левом колене или с сердечком, нарисованным маркером поперек бедра? Дело не в том, что мне не нравится их вид, и уж точно не в том, что моя мама была дизайнером одежды: джинсы нередко появлялись в ее коллекциях. Просто я твердо придерживаюсь принципа «по одежке встречают». И сегодня мне особенно важно произвести хорошее впечатление.

— Джеки! — донесся снизу голос Кэтрин. — Такси уже тут.

— Минутку! — Я схватила со стола лист бумаги и prošлась по пунктам списка: — Ноутбук, зарядка, мышка. — Я открыла рюкзак и проверила, все ли уложила. — Есть, есть, есть. — Ярко-красной ручкой я поставила в списке крестики напротив каждого предмета.

В дверь спальни постучали.

— Готова, милая? — В комнату заглянула Кэтрин. Высокая, с излюбленной стрижкой всех мам — бобом-каре. Ей уже далеко за сорок, и в ее золотистых волосах проглядывает седина.

— Думаю, да. — Мой голос предательски надломился. Я опустила взгляд, не желая видеть в глазах Кэтрин

сочувствие, с которым все кругом смотрят на меня после похорон.

— Оставлю тебя ненадолго одну, — сказала она.

Раздался щелчок закрываемой двери. Я пригладила юбку и посмотрела на себя в зеркало. Длинные темные волосы я, как обычно, выпрямила и убрала назад, туго завязав синей лентой. Ни единой выбившейся прядки. Ворот блузки примялся, и я поправила его, чтобы мое отражение стало безупречным. Недовольно поджала губы, рассматривая залегшие под глазами фиолетовые тени. Недостаток сна давал о себе знать, и с этим я ничего не могла поделать.

Вздохнув, я в последний раз оглядела комнату. Хотя в списке не осталось ни одной вещи, не отмеченной крестиком, я не знала, когда вернусь сюда, и не хотела забыть что-нибудь важное. Комната казалась непривычно пустой, так как большая часть моих вещей уже ехала в Колорадо. Я целую неделю паковала их, и Кэтрин помогла мне справиться с этой сложной задачей.

Почти все коробки заняла одежда, и лишь несколько — Собрание сочинений Шекспира и чайные чашечки, которые мы с моей сестрой Люси привозили из всех посещенных нами стран. Я понимала, что тяну время. Я слишком организованный человек, чтобы что-нибудь забыть. Просто мне совершенно не хотелось покидать Нью-Йорк.

Однако выбора у меня не было, и я неохотно подхватила рюкзак. Кэтрин ждала в коридоре, у ее ног стоял маленький чемодан.

— Все собрала? — спросила она, и я кивнула в ответ. — Хорошо. Тогда поехали.

Она направилась через гостиную к входной двери, и я медленно шла за ней, скользя ладонями по мебели,

пытаясь запечатлеть в памяти каждую деталь дома. Странно, но это удавалось с трудом, несмотря на то что я прожила тут всю свою жизнь. Белые простыни, накинутые на мягкую мебель, чтобы та не запыхалась, глухой завесой вставали между мной и воспоминаниями.

Мы молча вышли из квартиры. Кэтрин остановилась запереть дверь.

— Возьмешь себе? — протянула она мне ключ.

Моя собственная связка ключей лежала в чемодане, но я забрала из ее руки маленький серебристый кусочек металла. Расстегнула тонкую цепочку с маминым медальоном и повесила на нее ключ, чтобы он лег на мою грудь, рядом с сердцем.

В самолет мы садились тоже в молчании. Я отчаянно старалась не думать о том, что все больше удаляюсь от дома, и как могла сдерживала слезы. Весь первый месяц после автокатастрофы я не вставала с кровати. Но однажды каким-то чудом вытащила себя из-под одеяла и оделась. С того дня я пообещала себе, что буду сильной и собранной. Я не хотела снова превратиться в слабого и опустошенного человека, каким чувствовала себя все последнее время. И сейчас не хочу. Поэтому сосредоточиваю свое внимание на Кэтрин, чьи пальцы до побеления костяшек сжимаются и разжимаются на ручках кресла.

О сидящей рядом женщине я знаю мало. Первое: она мамина подруга детства. Они выросли в Нью-Йорке и вместе учились в частной школе Хокса, в которую ходили и мы с сестрой. В то время Кэтрин носила фамилию Грин. Второе: в университете она познакомилась

с Джорджем Уолтером. Они поженились и переехали в Колорадо, чтобы открыть коневодческую ферму — исполнить заветную мечту Джорджа. Третье, что мне известно о Кэтрин, и это самая примечательная часть информации: она мой новый опекун. В детстве я встречалась с ней, но не помню этого за давностью лет. Кэтрин Уолтер для меня совершенно чужой человек.

— Бойтесь летать? — спросила я.

Кэтрин шумно выдохнула. Сказать по правде, выглядела она так, словно ее вот-вот стошнит.

— Нет, но, честно говоря, я слегка нервничаю из-за... того, что нас ждем дома.

Я напряглась. Она боится, что я пушусь во все тяжкие? Могу уверить ее, что этого не случится. Я ведь собираюсь поступать в Принстон. Наверное, дядя Ричард сказал ей про меня что-то не то, хотя со мной все в порядке.

Кэтрин поймала мой взгляд и поспешно добавила:

— О нет, не из-за тебя, милая. Я знаю, что ты чудесная девочка.

— Тогда из-за чего?

Кэтрин с извиняющимся видом улыбнулась.

— Джеки, родная, я когда-нибудь говорила, что у меня двенадцать детей?

У меня отпала челюсть. Нет, она точно не упоминала об этом. Дядя Ричард, приняв решение о моем переезде в Колорадо, говорил что-то о детях Кэтрин, но не об их количестве. Двенадцать? Об этой детали он скромно умолчал. Дюжина детей. В доме Кэтрин, наверное, царит вечный хаос. Как вообще можно хотеть завести двенадцать детей? В моей груди затрепетали крохотные крылышки паники.

«Успокойся», — велела я себе, сделала несколько глубоких вдохов носом и выдохов ртом и достала тетрадь

с ручкой. Нужно подготовиться и как можно больше узнать о семье, в которой мне предстоит жить. Откинувшись на спинку сиденья, я попросила Кэтрин рассказать о ее детях, и она с радостью согласилась.

— Мой старший сын — Уилл, — начала она, и я стала записывать за ней.

Братья Уолтер:

Уиллу двадцать один год. Учится последний семестр в местном университете. Обручен со своей школьной любовью.

Коулу семнадцать. Двенадцатиклассник*. Талантливый автомеханик.

Дэнни семнадцать. Тоже двенадцатиклассник. Президент драмкружка. Они с Коулом близнецы.

Айзеку шестнадцать. Одиннадцатиклассник. Помешан на девушках. Племянник Кэтрин.

Алексу шестнадцать. Десятиклассник. Чересчур много играет в видеоигры.

Ли пятнадцать. Десятиклассник. Скейтер. Племянник Кэтрин.

Натану четырнадцать. Девятиклассник. Музыкант.

Джеку и Джордану по двенадцать. Семиклассники. Близнецы. Верят, что станут новыми Спилбергами, и не расстанутся с видеокамерой.

Паркеру девять. Четвероклассник. На вид безбидный, но обожает контактный футбол.

Заку и Бенни по пять лет. Детсадовцы. Близнецы. Маленькие чудовища-сквернословы.

---

* Обучение в американской школе начинается с пяти-шести лет. Двенадцатый класс — последний в старшей школе. Здесь и далее примечания редактора.